

изводятъ, и для чего, пассивно повинуюсь нуждѣ и тому, что имъ вздумаютъ приказать ихъ хозяева, то что бы они ни произвели, пушки или ячмень, — все это будетъ несомнѣнно вредно и имъ и всему чело-вѣчеству“.

И пусть г-нъ Поссе не возражаетъ на это, что все это аристократическія проповѣди, жалкія поученія на бумагѣ, безсильныя передъ логикою вещей, что рабочіе вынуждены повиноваться по своему тяжело-му матеріальному положенію, что они не могутъ побороть въ себѣ нравственнаго порабоженія, обращающаго ихъ въ безвольныя орудія производства предметовъ, — не тѣхъ, которые признаютъ полезными они и вообще весь рабочій народъ, а тѣхъ, которые вздумается производить ихъ хозяевамъ. Пусть онъ не говоритъ, что „здѣсь виноваты не рабочіе, производящіе духи и ленты, а весь современный строй, покоющійся на товарномъ производствѣ и частной собственности, съ его классовымъ характеромъ, съ его неизбѣжнымъ (sic!) милитаризмомъ и т. д.“ Ложь этого возраженія (въ основѣ его лежитъ своеобразная „теорія стадій“, по которой человекъ чѣмъ сѣтѣе, тѣмъ добрѣе, — *gros-es gens, bonnes gens*) — слишкомъ очевидна для всякаго честнаго мыслителя, который, жалѣя рабочій народъ, въ то же время не хочетъ ни льстить ему, ни оскорблять его.

Г-нъ Поссе видитъ оскорбленіе рабочихъ въ указаніи Толстымъ того факта, что нравственность ихъ часто падаетъ съ повышеніемъ матеріальнаго благосостоянія, а самъ однимъ росчеркомъ пера декретируетъ неспособность рабочей массы къ какому бы то ни было нравственному отпору современнымъ условіямъ жизни, потому что ихъ матеріальное благосостояніе недостаточно высоко для этого. Онъ отрицаетъ даже возможность, противоположную той действительности, которую рисуетъ Толстой. Но если правда то, что рабочая масса сама неспособна ни къ ка-